

Л.Д. ГЛЕБОВ, З.М. ОРУДЖЕВ (г. МОСКВА)

На малоисследованную тему

Ж. Абдильдин. Проблема начала в теоретическом познании.
– Алма-Ата: изд-во «Наука» АН КазССР, 1967. – 366 с.

Одна из важных проблем диалектической логики до сих пор не была предметом специального исследования. Мы имеем в виду проблему начала теоретического познания. Многочисленные попытки построить целостную, логически последовательную систему категорий и законов материалистической диалектики, связанные с поисками принципов построения подобных систем на основе анализа различных типов развивающегося научного знания, должны были неизбежно подвести к пониманию всей сложности и многогранности проблемы его начала.

Рецензируемая книга является первой работой, в которой предпринята попытка наиболее полно рассмотреть эту проблему. Причем автора интересует не только построение абстрактной модели элементарной «клеточки» всякой научной теории (хотя проблема «начала» и проблема «клеточки» полностью не совпадают), но и ее живое воплощение в сложных областях современной науки.

Ж. Абдильдин прежде всего прослеживает разработку некоторых элементов понятия начала в истории философии со времен античности до Гегеля. Однако историко-философский анализ, содержащийся в книге, не совсем полный. К сожалению, в ней ничего не сказано о взглядах Ф. Бэкона, представляющих в этом плане большой интерес. Бэкон специально ставит проблему начала во второй части «Нового органа», критикуя дедуктивную логику и

противопоставляя ей свой индуктивный метод. Очевидно, что эмпирическая постановка вопроса о начале Ф. Бэконом стала необходимым звеном в истории становления диалектико-материалистического понимания начала научно-теоретического познания..

Рассматривая соотношение начала и теоретического знания, автор ищет решение этого вопроса в анализе объективно существующих конкретных, развивающихся систем. В результате такого подхода он формулирует основные характерные черты исходного понятия науки, выражающего всеобщую основу бытия и движения предмета. Основными характеристиками н а ч а л а, по мнению автора, являются: элементарная конкретность, единство всеобщего и единичного, противоречивость.

Элементарная конкретность свойственна объективной действительности, она проявляется в виде непосредственного, наиболее общего, то есть всеобщего, элемента системы, элемента, представляющего собой некоторую конкретность, единство противоположностей, противоречие. Анализ этой элементарной конкретности, «клетки» позволяет обнаружить в ней «единство всеобщего и единичного, материи и формы, положительного и отрицательного и дает возможность понять и теоретически выразить всю систему в целом» (с. 197). Конечно, сама элементарность как эмпирического, так и исходного понятия, подчеркивает автор, относительна: вне исторически определенной системы говорить об элементарности начала не имеет смысла. Будучи элементом объективно реальной, содержательной системы, начало не более непосредственно для чувственного восприятия, чем любой другой элемент этой же системы. Непосредственность н а ч а л а означает в данном случае отсутствие в нем «содержания системы», которое опосредствуется процессом становления, формирования самой системы,

а в теоретическом мышлении – процессом восхождения от абстрактного к конкретному. К сожалению, эти (на наш взгляд, верные) положения в работе Ж. Абдильдина изложены недостаточно четко и ясно: в ней много частных отступлений от основной темы, ненужных повторений.

Принципами обоснования начала автор считает целостный подход, независимость исходного понятия от других понятий системы, когда истинность этого исходного понятия доказывается возможностью выведения из него всей системы: «...Начало выступает как то, что самообосновывает, как бы самодоказывает себя в системе. Если невозможно реализовать теоретическое восхождение, исходя из данной определенности предмета, то это может свидетельствовать только о том, что эта определенность в системе вовсе не является всеобщим, исходным началом системы» (с. 286–287). В то же время автор исключает всякую возможность допущения абсолютной независимости чисто логического построения теоретической системы от эмпирически данной совокупности фактов. Исходное понятие науки не может обуславливаться лишь соображениями, касающимися его логического соответствия более сложным понятиям системы. Автор справедливо указывает на принцип совпадения логического и исторического способов рассмотрения предмета как на основу, обеспечивающую подведение под главные понятия системы (в том числе и исходное понятие) прочного фундамента фактических данных.

На наш взгляд, автор недооценивает эмпирический этап формирования исходного понятия науки, который, безусловно, существовал. Нельзя образовать содержательное понятие, являющееся источником теоретической системы, не принимая во внимание уже существующее абстрактное определение, фиксирующее момент эмпирического сходства в предметах. Очевидно, например, что, прежде чем было выработано научное, содержательное понятие

стоимости, уже существовало эмпирическим путем полученное понятие (или абстракция) меновой стоимости. Таким образом, образование эмпирического понятия предшествует его научной разработке и является как бы предпосылкой этой разработки.

Вместе с тем, Ж. Абдильдин удачно иллюстрирует недостаточность формально-логического построения целостной системы понятий: аксиоматическая логика, например, не может обосновать необходимость начал, на которых базируется теория. Подчеркивая односторонность аксиоматической логики, Ж. Абдильдин правильно указывает на то обстоятельство, что она каждый раз вынуждена выходить за свои собственные рамки в поисках дополнительных аксиом, что получило выражение в известной теореме Гёделя.

В этой связи, на наш взгляд, небезынтересно сравнить эти рассуждения с высказываниями Маркса в «Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie» о границах чисто логического, теоретического отражения предмета. Маркс считал, что чисто логическое движение познания не является абсолютным и имеет свои границы, за которыми на передний план выступает историческое рассмотрение вещей. Маркс видел значение такой постановки вопроса и в том, что она сразу же позволяет обнаружить сомнительность абсолютной независимости и самостоятельности гегелевского понятия по отношению к объекту познания. В то же время такая постановка вопроса помогает уяснить роль аксиоматического подхода в любом аспекте научного знания, в том числе и в аспекте, рассматриваемом в данной книге.

Развитие теории неизбежно видоизменяется в результате включения извне каких-то привходящих элементов (понятий), не выводимых из предшествующих предпосылок данной теории. Так, товар и деньги – необходимые (и исторические и логические) предпосылки возникновения

капитала, прибавочной стоимости. Но рабочая сила как товар из них не выводится и не может быть выведена логически. Для того, чтобы капитал мог образоваться в сфере товарно-денежного обращения, рынка, очевидно, в этой сфере должен был появиться специфический товар, который коренным образом изменил природу этого рынка, сделал его капиталистическим. Причины, приведшие к появлению этого специфического товара, лежат вне рынка, который существовал с древнейших времен, но не порождал рабочей силы как товара. Аналогичный пример рассматривает и автор в конце книги. Специальная теория относительности, пишет он, выведена из принципа относительности, созданного в рамках классической механики. Но она не может быть выведена из этого принципа чисто логически, ибо перейти таким образом от принципа относительности к постулату о постоянстве скорости света невозможно. Чисто логическое, теоретическое исследование должно было в этом месте оборваться, уступив место экспериментальному, фактическому. Постулат о постоянстве скорости света, возникший из иных предпосылок, привел к релятивистским эффектам (выводам), прямо противоположным тем, к которым приводил традиционный принцип относительности как таковой. Эта дискретность логического выведения теоретической системы из начальных предпосылок, понятий обнаружилась и при переходе от евклидовой геометрии к неевклидовой, «первоначальное накопление» которой совершалось вне русла логического развития евклидовой геометрии.

Последний раздел книги Ж. Абдильдина посвящен анализу понятия начала в теории относительности и в квантовой механике. Здесь автор предпринял интересную попытку применить свои общетеоретические положения к важнейшим разделам современной физики. Он отдает дань

распространенному среди некоторых физиков мнению, будто вероятностная интерпретация квантовой механики исключает детерминистскую. Правда, автор делает оговорку относительно того, что в квантовой механике не может идти речи о лапласовском детерминизме. При достаточно четком различении понятий причинности и вероятности должно быть ясно, что их противопоставление неправомерно. Эти понятия выражают различные виды всеобщих связей действительности, хотя внутренняя связь между ними несомненна. Поэтому точка зрения Эйнштейна и отчасти де Бройля, разделяющих детерминистскую интерпретацию, на наш взгляд, вряд ли является «непродуктивной концепцией», как полагает автор. Копенгагенская интерпретация квантовой механики также является односторонней, так как она не объясняет и не пытается объяснить более сложные явления (нуждающиеся в статистической трактовке) на основе более простых (теорема Неймана). Трудно согласиться и с мнением Ж. Абдильдина о «завершенности» квантовой механики.

По нашему мнению, автор не совсем прав, когда утверждает, что пер-воначальным и «всеобщим, исходя из которого возможно понимание природы микроявлений, является квант действия, корпускулярно-волновая природа микроявлений» (с. 207). Корпускулярно-волновой дуализм определяет ту специфическую форму, в которой проявляются квантово-механические процессы, и поэтому он не может служить началом этой теории. Ведь понятие начала должно выражать не специфические отношения в исследуемом предмете, а отношения общие данному предмету и менее сложному, подобно тому, как понятие товара выражает отношения, свойственные не только капиталистическому обществу, но и предшествующим формациям. Мы, конечно, не можем здесь предложить своего решения вопроса о начале в квантовой механике;

это, по-видимому, задача дальнейших исследований, методологической основой которых, как нам кажется, могут послужить положения, выдвинутые Ж. Абдильдиным в общей части книги.

Однако, несмотря на указанные недостатки, ее следует отметить как глубокое, интересное исследование по диалектической логике.